

Г. С. Русман,

заведующий кафедрой уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета),
доктор юридических наук, доцент

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А. А. НАСОНОВА
«СОГЛАСИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»**

Актуальность исследования категории «согласие» в уголовном судопроизводстве обусловлена его значительной ролью в обеспечении легитимности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности, необходимостью для реализации многих его институтов. Государство путем согласования стремится к гармонизации уголовно-процессуальных отношений, что позволяет сбалансировать публичные и частные интересы участников.

В то же время, несмотря на широкое применение согласия в уголовно-процессуальной деятельности, статистика и правоприменительная практика «подсвечивают» недостатки в реализации согласительных механизмов, что влечет нарушения прав участников судопроизводства на дачу согласия, снижает эффективность процедуры согласования. Особенно отчетливо проблематика проявляется в согласительных процедурах избрания наиболее строгих мер пресечения.

Наблюдаемые несовершенства в правовой регламентации и ошибки в практической реализации согласительных механизмов приводят к снижению качества отправления правосудия и нарушению баланса интересов участников процесса. Системный характер обозначенных А. А. Насоновым в диссертации проблем подчеркивает необходимость углубленного исследования согласия как элемента уголовно-процессуальной деятельности и категории. Кроме того, изучение многофункциональности согласия — его роли в обеспечении защиты прав, уголовном преследовании и контрольно-надзорной деятельности — является важным условием для оптимизации уголовно-процессуальных механизмов и создания дополнительных процессуальных гарантий. Таким образом, исследование института согласия в уголовном процессе представляется научно и практически значимым, направленным на повышение эффективности и справедливости уголовного судопроизводства.

В основе диссертационного исследования лежит состоятельная **эмпирическая база** (с. 14), **содержащая репрезентативные выборки**, позволившие обеспечить аргументированность и достаточную убедительность выводов соискателя. Непосредственно в тексте диссертации представлены результаты собственных социологических исследований автора (с. 32, 100, 198, 270, 289, 404, 430, 437, 438).

Соискателю принадлежит первенство в системном и комплексном обосновании современного видения проблем уголовно-процессуального согласия и возможностей его реализации. Научная новизна проведенного диссертационного исследования состоит, как представляется, в разработке научной концепции, раскрывающей ценностные свойства уголовно-процессуального согласия, выражающей его функциональный характер, что в свою очередь позволило автору сформировать оптимальную теоретическую модель уголовно-процессуального согласия и механизма его реализации. Выявленные автором свойства и виды исследуемой категории увеличивают ее теоретический и правоприменительный потенциал, способствуют усовершенствованию механизма и средств уголовно-процессуального согласования. Кроме того, диссертантом предложена и обоснована оригинальная научная идея о значимой роли согласия как системообразующего фактора уголовного судопроизводства, обуславливающего оптимальное сочетание в ней публичных и частных интересов (с. 56, 61); разработан единый категориальный аппарат, позволяющий однозначно определять терминологию, характеризующую согласие и его реализацию в отечественном уголовном судопроизводстве (с. 30, 40, 43—45, 93, 95, 346 и др.); раскрыто содержание уголовно-процессуального согласия, сформулирована его авторская дефиниция и научно обоснована структура (с. 40, 39—42 и др.); обозначены основные векторы влияния принципов уголовного судопроизводства на механизм реализации согласия (глава 3); показаны формы реализации уголовно-процессуального согласия в контексте решения проблемы гармонизации интересов в уголовном процессе (с. 139—141, 152—153); в механизме реализации согласия выделены и исследованы нормативная основа, цель, средства, способы, объект, субъекты уголовно-процессуального согласования (с. 332—340, 341—346 и др.); определена система этапов реализации уголовно-процессуального согласия (с. 378 и др.); раскрыта структура института согласия, включающая в себя субинституты, доказана необходимость его дальнейшего формирования и укрепления (с. 52—53); сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения в части согласования процессуальных действий, решений, процедур (с. 39, 99—100, 132, 197, 201, 216, 222, 233, 253 и др.; приложение 3 — с. 641).

А. А. Насонову успешно удалось преодолеть главную сложность проводимого исследования, которая, думается, состоит в необходимости соединения теоретических основ уголовно-процессуального согласия с весьма «раз-

ношерстной» нормативной практикой, причем с учетом особенностей их представления. Действующие в этой сфере нормативные институты являются основанием для построения реализационного механизма согласования в уголовном судопроизводстве. Предполагаемая теоретическая модель уголовно-процессуального согласия должна быть выше и более общей по отношению к нормативной регламентации, выступать умозрительной базой, концептом для дальнейшего развития и совершенствования действующего законодательства.

Рассмотрение обозначенной автором проблемы обоснованно и в целом успешно выведено на уровень такой высоты, который оказался над отдельными уголовно-процессуальными институтами, связанными с получением согласия (например, судебно-контрольные производства, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, особый порядок принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвиняемому обвинением и др.), что позволило обеспечить соответствующее качество исследования. В связи с этим следует обратить внимание на обоснованное А. А. Насоновым расширение границ применения согласия в уголовном судопроизводстве, в том числе посредством субстанционального подхода, аналогизации категорий (процедур), связанных с получением согласия (разрешения) и введения в научный оборот термина «уголовно-процессуальное согласие» (с. 31—37, 40 и др.).

Такой подход позволяет совершенно иначе и с содержательной (качественной) точки зрения, и процедурной (относительно количественной) рассмотреть проблему: одно дело, когда круг субъектов согласия ограничен только правоприменителем (должностные лица, как носители публичной власти) и смысл уголовно-процессуального согласия в данном случае ограничивается в определенной степени дачей разрешения, другое дело — когда на первый план выходит необходимость получения согласия невластных субъектов, а то и лиц, не участвующих в уголовно-процессуальных отношениях (например, дача согласия Конституционным Судом Российской Федерации в порядке п. 3 ч. 1 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) (с. 32, 37, 44, 93—95, 99, 257, 259, 334, 336 и др.). В этом аспекте интересным и обоснованным видится предложение автора ввести новый вид согласия — согласие лица на собственную экстрадицию, которое позволит ввести и успешно реализовывать упрощенную форму экстрадиционного производства (с. 24, 259—261 и др.).

На основе всестороннего анализа современных источников, исторического и действующего законодательства России и ряда зарубежных государств, состояния правоприменительной практики диссертант сформулировал и другие теоретические положения, касающиеся концепции уголовно-процессуального согласия и механизма его реализации, включая его функции, свойства, виды, цель, объект, субъектов, способы и этапы (с. 502—513).

Отличие рассматриваемой диссертации от работ со сходной тематикой состоит в том, что автор понимает уголовно-процессуальное согласие в первую очередь как инструмент гармонизации уголовно-процессуальных отношений, что позволило на высоком уровне исследовать общетеоретические, нормативные и правоприменительные аспекты указанной категории, получить результаты, направленные на создание дополнительных процессуальных гарантий разумного применения согласия в уголовном судопроизводстве, эффективного функционирования его системы, определить способность согласия выступать средством уголовно-процессуальной защиты, обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, уголовного преследования, контрольно-надзорной деятельности.

Рецензируемая диссертация представляет собой зрелое научное исследование, о чем свидетельствует решение автором ряда довольно сложных задач (с. 12—13), каждая из которых является по-своему оригинальной и важной и имеет существенное значение и для науки уголовного процесса, и для практики. Ценность диссертации А. А. Насонова состоит еще и в том, что наряду с теорией исследованных проблем автором намечены перспективы реализации полученных научных результатов в ходе дальнейших исследований.

Обоснованность научных положений и выводов диссертанта подтверждается **солидным теоретическим материалом** (труды ученых в области уголовного процесса, касающиеся уголовно-процессуального согласия, фундаментальные разработки в области общей теории государства и права, науки уголовного права, криминалистики, этики, а также современные достижения философии, социологии, логики и других наук).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования А. А. Насонова заключается в разработке авторской концепции согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, позволяющей модернизировать уголовно-процессуальный институт согласия, исследовать на новом теоретическом уровне закономерности развития уголовного судопроизводства сквозь призму баланса уголовно-процессуальных интересов с помощью согласительных средств, а также в возможности применения выработанных теоретических положений и предложений непосредственно в практической деятельности, научно-исследовательской работе и при совершенствовании уголовно-процессуального закона (с. 28—29).

Рецензируемая диссертационная работа отличается глубоким исследовательским подходом. Соискатель демонстрирует всестороннее владение фактическим и теоретическим материалом по теме диссертации.

В автореферате убедительно раскрыты основные идеи и выводы проведенного А. А. Насоновым исследования, показаны личный вклад автора в разработку избранной темы, новизна и значимость полученных результатов, обоснована структура диссертации.

В целом положительно оценивая диссертационное исследование А. А. Насонова, следует отметить отдельные дискуссионные положения, побуждающие к их обсуждению в рамках публичного научного диспута.

1. В положении 5, выносимом на защиту, автор аргументирует тезис, в соответствии с которым «нормы, регулирующие уголовно-процессуальное согласие, составляют самостоятельный сложный правовой институт, включающий в свою структуру два субинститута — согласия, исходящего от властных субъектов, и согласия, формируемого лицами, не обладающими властными полномочиями» (с. 18—19, 38, 51—53 и др.).

Исходя из общеизвестного теоретико-правового подхода, институт права есть объективно обособившаяся совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих небольшую группу видовых родственных отношений, при этом не всю их (родовых отношений) совокупность, а лишь их отдельные стороны, что в том числе связано с особенностями юридической техники. Позиция А. А. Насонова заслуживает уважения, в то же время представляется спорным понимание уголовно-процессуального согласия как самостоятельного института, в связи с этим возникает необходимость в дополнительных аргументах, обосновывающих сформулированный в положении тезис.

Кроме того, напрашивается следующий вопрос: уже сформированные уголовно-процессуальные институты, содержащие в себе элементы согласия (институт мер пресечения, институт судебного контроля, институт ходатайств и пр.), будут являться субинститутами по отношению к институту согласия?

2. В целом заслуживает поддержки выявленная и качественно раскрытая А. А. Насоновым система свойств уголовно-процессуального согласия, позволяющих уяснить его сущность и содержание и раскрыть его специфику (с. 19, 154—186). Однако вызывает сомнение существование такого общего свойства, как «способность участвовать в обеспечении единства мнений лиц по тем или иным вопросам (антиконфликтность)», тем более с учетом наличия другого свойства — добровольности, сомнения в наличии которого нет в силу его нормативной регламентации (как напрямую, так и в контексте нормы). Достижение определенного согласия по тому или иному вопросу в рамках уголовного судопроизводства далеко не всегда характеризуется единством мнения. Порой выраженное добровольно согласие, например на прекращение уголовного дела по оценочным основаниям, является лишь попыткой уйти от более серьезных последствий.

3. Соискатель заслуженно уделил в работе весомое внимание влиянию принципов уголовного судопроизводства на уголовно-процессуальное согласие как динамическую категорию (с точки зрения разных аспектов его (согласия) реализации) (с. 19, 187—230). Вместе с тем ошибочно говорить о взаимовлиянии данных концептов. Будучи исходными положениями уголовного судопроизводства, объективно отраженными в законе, принципы лежат в основе реализационной деятельности, выступают в качестве гарантий, составляя базис правоотношений, а в неоднозначных ситуациях указывают направление их (ситуаций) толкования. Соответственно уголовно-процессуальное согласие не может оказывать влияние на существование принципов, что вытекает из формулировки о «взаимовлиянии», а принципы не могут выступать в качестве средства реализации согласия (с. 22), поскольку правоотношения согласования подчинены системе принципов.

4. Требуется дополнительной аргументации авторская позиция о необходимости концентрации наиболее «общих вопросов получения согласия в уголовном судопроизводстве и касающихся как всех субъектов, формирующих согласие (круг лиц, правомочных давать согласие; правила дачи согласия), так и определенной их части — преимущественно носителей властных полномочий (требования, предъявляемые к обращению лица, запрашивающего согласие; сроки рассмотрения обращения указанного лица; решения, принимаемые по результатам рассмотрения обращения лица, запрашивающего согласие; уведомительно-разъяснительные действия в отношении лица, запросившего согласие; обжалование решения, принятого в результате согласования)» в отдельной главе УПК РФ (гл. 17.1 «Согласие в уголовном судопроизводстве») (с. 26, 456—457, 459, 646). В чем будет выражаться оптимизация уголовно-процессуального регулирования рассматриваемой категории, если правоприменителю придется обращаться, помимо норм, регулирующих конкретную процессуальную ситуацию (включая объект и субъектов согласования, его процедуру и сроки, принимаемые решения и их последствия и т. д.), еще и к общей главе? Не будет ли дублирования специальных норм в предлагаемой главе?

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и подчеркивают актуальность и темы диссертации.

Рецензируемая работа является законченным, цельным, монографическим исследованием сложносоставной и значимой в теоретическом и практическом плане темы, имеющей важное политическое и социально-экономическое значение.

По своему оформлению и содержанию диссертация «Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям (пп. 9—14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор Александр Александрович Насонов заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).